

КОГДА НАСТУПАЕТ
КОНЕЦ КВАРТАЛА...

Зазвонил к авралу.

К Р О К О Д И Л
№ 17 (1595) 20 ИЮНЯ 1960

ЕРДИТО и резко звонит будильник. За окном не слышно привычного уличного шума, да и в квартире полная тишина. Кому же вчера пришло в голову завести эту адскую машину на 5.30 утра?

Хочу уже запустить подушкой в злобно фыркающий, чем-то явно раздраженный аппарат Первого часового завода, как вдруг вспоминаю, что я киоскер. Человечество еще располагает одним-двумя часами самого сладкого утреннего сна. Но не будильники, не кондукторы трамвая, не почтальоны, не киоскеры. Бесноватый страж времени уже зовет их на пост.

Да, сегодня мое место там, за прилавком киоска.

МЕНЮ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Кто не знаком с волнениями хозяйки дома в канун воскресного дня? Ведь впервые за неделю вся семья соберется вместе и будет жить целый день без заводской столовой, без институтского буфета, без школьных горячих завтраков, а целиком на ее, хозяйки дома, иждивении. Что приготовить на завтрак, на обед, ужин?

Волнуемся и мы с Серафимой Евсеевной. Будет ли доволен сегодня наш празднично настроенный покупатель, угодим ли его взыскательному вкусу?

Напрасные опасения! Меню что надо. Из большого крытого автомобиля плывут в киоск объемистые кипы газет, увесистые пачки журналов. Все новинки.

Но сегодня в центре внимания — газеты. В них главная новость — выступление Никиты Сергеевича Хрущева на совещании ударников коммунистического труда в Кремле. Как большекрылые, сильные птицы, летят к людям номера газет с мудрым словом партии. Толстые стопы газет тают на глазах.

...Воскресный покупатель — особый, он не торопится. Не спеша оглядывает прилавок, выбирает, а потом уже протягивает деньги. Его и не понукают те, что в очереди: ведь каждому хочется хотя бы один день в неделю провести без спешки!

Если в будни за двадцать минут мы обслуживаем больше ста пятидесяти покупателей, то сейчас — пятьдесят — шестьдесят. Но, конечно, не в ущерб обороту нашего торгового дома. В обычные дни покупатель оставляет у нас тридцать — сорок копеек, а сегодня в ящик съхлынут рубли, пятерки, десятки...

— «Советскую Россию», «Московскую правду», «Кинонеделю»...

— А «Неделю»?

— Дайте, пожалуйста, и «Неделю».

— «Футбол»?

— А это что такое?

— Новое приложение к «Советскому спорту». Вы ведь болельщик?

— Я-то нет, но ребята...

— Значит, «Футбол» и, наверное, «Радиопрограмму»?

— Конечно. Сколько с меня?

— С трех рублей вам еще полагается сдача. Пожалуйста, тридцать копеек. Вчера вы интересовались «Садоводством»? Завтра получаем, не забудьте зайти.

Да, с покупателем надо говорить! Тогда он веселее потянется и за газетой и за журналом.

РАЗНЫЕ ЛИЦА

...Шумит воскресный, праздничный проспект. Катится мимо киоска людская волна. Сколько лиц, характеров, нравов! И сколько вопросов!

— Мне бы книгу. Не знаю только, есть ли она у вас...

— Какая книга?

— «Жизнь...», «Жизнь...» — Женщина тщательно старается вспомнить название.

Называю несколько пришедших на память книг.

Женщина отрицательно машет головой.

— Не то. А впрочем, дайте лучше «Здоровье». Это ведь последний номер?

Еще одна покупательница.

— Я к вам по личному вопросу...

Неужели и с этой пойдет разговор о смысле жизни? Нет, здесь другое.

— Скажите, пожалуйста, где записываются на ковры?

На тебе такое дело! Предусматривает ли инструкция «Союзпечати» ответы на подобные вопросы? Но покупательница ждет...

Выговариваюсь из окошка и обращаюсь к очереди:

— Товарищи, где здесь поблизости продают ковры?

И сразу же слышу ответ:

— В Черемушках. Двадцать вторым трамваем, пятая остановка.

Еще более срочное дело у этих двух.

— Где? Сегодня?

С ними разговор короткий. Протягиваю им футбольный календарь.

— Рубль. Один. Всего.

Рубль на прилавке. Парни выхватывают желтую книжечку и молниеносно исчезают.

Какие они разные, эти люди, которые шагают мимо меня по тротуару! Один набрасывается на книги и журналы с жадностью, другой подходит к киоску от нечего делать.

Развинченной походкой приближается девица. Скользнула равнодушным взглядом по обложкам журналов, остановилась.

— Мне что-нибудь легонькое почитать... с эстрады.

— Юмор подойдет?

— Да, конечно.

Предлагаю сборник Эжена Потье, книжку молдавского поэта Евгения Копылова, рассказы болгарского юмориста Петра Незнамова. Девица листает книжки и кладет их обратно на прилавок. Такой же расслабленной походкой идет за угол...

А вот покупатель сугубо деловой.

— Газетку! — отрывисто говорит он и кладет на прилавок двугривенный. В правой руке у него небрежно завернутая селедка. Не фельетонная, а настоящая, натуральная сельдь пряного посола. Чтобы еще раз убедиться в этом, спрашиваю:

— Почему брали?

— Семь рублей пять копеек. Хорошая селедка, жирная, как черт. Да давай скорей газетку! Не видишь разве, каплет с нее!

Быстро пробегаю по заголовкам газет.

Неужели одну из них я принесу в жертву плотоядным наклонностям этого субъекта?

Достаю из-под прилавка лист оберточной бумаги:

— Бесплатно. И приятного вам аппетита.

Два паренка лет восьми долго стоят справа у прилавка и о чем-то шепчутся.

— Что вам, ребята?

— Нам бы, дяденька, конверт, вон тот, с Кремлем.

— Пожалуйста, пятьдесят пять копеек.

Ребята отходят от окна, опять шепчутся.

— Не хватает, что ли? — спрашивает их мужчина.

— Да, десяти копеек.

Мужчина дает школьникам гривенник и, получив свою газету, уходит. Ему и невдомек, что своим добровольным пожертвованием он сделал ценный вклад в укрепление советско-болгарской дружбы.

Сквозь стекло я вижу, как ребята, пригостившись тут же, около киоска, старательно выводят на конверте:

«Народная Республика Болгария. Округ Пловдивский. Село Быстрица. Товарищу Петко Ганчеву...»

НУЖНА ЛИ ГАЗЕТА ВЕЧЕРОМ?

Я слышал много разговоров о том, что у «Вечерней Москвы» свой, специфический читатель. Теперь представился случай проверить это.

Сегодня вторник, 31 мая. «Вечерку» еще не привезли, но у киоска уже длинная очередь. Выхожу из-за прилавка и провожу короткую анкету:

1. Регулярно ли читаете «Вечернюю Москву»?

2. Род занятий.

3. Давно ли живете в Москве?

Ответы на эти три вопроса анкеты проясняют картину. Мне говорили, что читатели «Вечерки» — преимущественно люди умственного труда. Но вот стоят в очереди водитель автобуса, слесарь, наладчик станков, почтальон, слесарь-сантехник. Меня уверяли, что к «Вечерке» привыкли лишь старожилы Москвы. Но в очереди не только коренные москвичи, а и люди, которые живут в столице два-три года. Есть даже несколько приезжих.

Нет, не нахожу в читателях вечерней газеты ничего специфического. Это наши обычные советские люди, которые хотят иметь газету и утром и в конце дня, чтобы постоянно быть в курсе быстротекущих событий. И с этой точки зрения переход «Известий» на вечерний выпуск вполне целесообразен.

Это в идее. А на практике?

«Вечерняя Москва» продана, а «Известий» еще нет. Толпа расходится. Что же предпринять?

В беру лист ватмана и пишу: «Скоро будем продавать «Известия». Вечерний выпуск».

Объявление оказывает свое действие, скапливается очередь. Наиболее нетерпеливые спрашивают:

— А что значит «скоро»? Час, полтора?

Дорогой товарищ, я бы сам многое отдал, чтобы знать это! Надо ждать!

И люди ждут. Фургон с газетой подкапывает только в восемь, когда на асфальт ложатся длинные вечерние тени.

Продаем в четыре руки: я из-за прилавка, а Серафима Евсеевна со столика у продовольственного магазина. До одиннадцати продали четыреста экземпляров, а триста газет приходится оставлять до утра. Вот тебе и вечерний выпуск!

На следующий день, в среду, картина повторяется. Из-за поздней доставки «Известия» остались непроданными не только у нас, а даже в киоске у станции метро — самом бойком месте Юго-Запада. А ведь в редакции постарались и выпустили газету к четырем часам дня...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Среда, 1 июня, последний день моей работы в киоске. Прошла неделя. Что же увиделось за эти семь дней в нашем малюютном торговом доме?

Всякий раз, когда я оставлял на минутку прилавок и выходил подышать свежим воздухом, меня обступала толпа людей, настроенных явно на боевой лад.

— Скажите там, пусть прибавят газет.

— Пять экземпляров «Спорта» на киоск! Это же издательство!

— Хуже. Инквизиция. Стоишь в очереди и дрожишь: вдруг из-под самого носа уведут последний экземпляр?

ГАЗЕТУ!

прилавка

Может быть, сравнение с инквизицией слишком сильное, но газет явно не хватает.

А как же все-таки выполнить наказ моих покупателей, кому сказать о том, «чтобы прибавили газет»?

Совнархозу Карелии, чей комбинат в Кондопоге уже задолжал 7 400 тонн газетной бумаги? Или Красноярскому и Астраханскому совнархозам, немилосердно затянувшим строительство новых целлюлозно-бумажных комбинатов? А может быть, и тем советам народного хозяйства, у которых полиграфическое машиностроение находится в явном загооне?

СЕТЬ И КАНАЛЫ

В Москве 675 газетных киосков. Это сеть. Если нанести ее на карту столицы, то получится причудливая, как в калейдоскопе,

картина. А каналы, которые питают сеть? Они выглядят не менее причудливо и страшно далеки от строго геометрической формы марсианских каналов, увиденных с Земли еще Скиапарелли.

Вам нужно добраться от Чистых прудов до магазина «Изотопы» на Ленинском проспекте. Сколько времени займет эта поездка? Тридцать, от силы сорок минут. Автомобиль «Победа» с «Вечеркой» едет к нам в киоск ровно два часа. Он напоминает сильно подгулявшего человека, который идет домой и никак... не дойдет. Для того, чтобы обслужить назначенные ему 33 точки, автомобиль пересекает Ленинский проспект восемь раз!

Мы не настаиваем на вертолетах, но ведь можно же немного выпрямить каналы, по которым движутся автомобили с газетами и журналами. Подумайте об этом, Даниил Иванович Ковалев, возглавляющий газетно-журнальную товаропроводящую сеть столицы! Нельзя же мириться с тем, что «Известия» от Пушкинской площади до нашего киоска шагают... четыре часа. Ведь за это время советский космический корабль, как известно, делал больше трех оборотов вокруг Земли!

КОТЫ В МЕШКЕ

Журналы привозят в киоск в бумажном мешке. Вот киоскер извлек из него пятое номера журналов «Октябрь», «Знамя», «Звезда»...

Что в них? Даже если киоскер имеет высшее филологическое образование, он не в состоянии разобраться в содержании поступающих к нему полутора сотен журналов.

Вслепую должен действовать и покупатель. Его призывают выложить на прилавок пятнадцать рублей, а потом уже выяснять, придется ли ему по вкусу содержание очередного номера журнала «Искусство». Это называется покупать кота в мешке.

«Что интересного в журналах?» — разве нельзя выставлять такой рекламный листок в каждом киоске? И чтобы краткие аннотации для него готовили сами редакции.

И тогда многие журналы не будут пылиться на прилавках, а пойдут к тому, для кого они и предназначены, — к нашему пытливому, любознательному читателю.

...Засияли витрины магазинов, ярко горят уличные фонари. Я отпускаю последнего покупателя. И оттого немножко грустно: уж очень ты полюбился мне, дорогой читающий москвич!

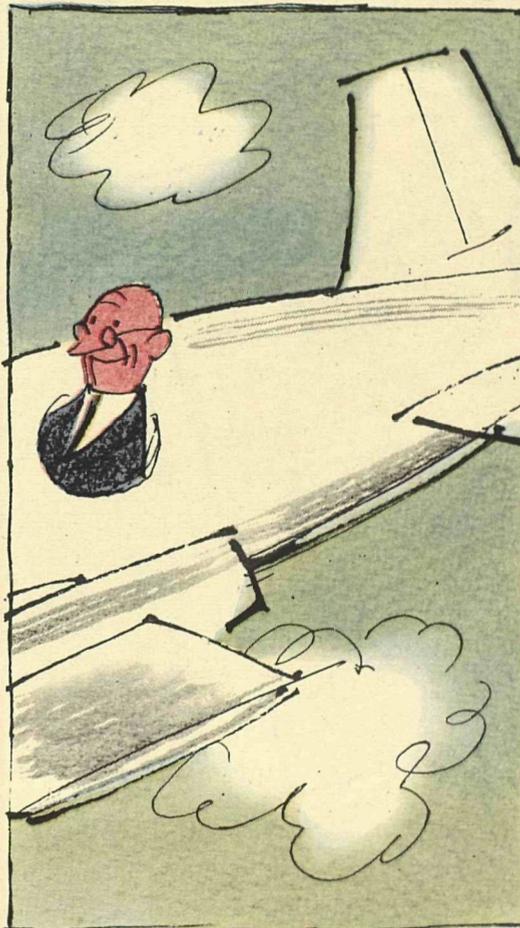
А завтра? Завтра я пристроюсь за тобой в очередь и так же, как ты, начну, вероятно, ворчать:

— Опять нет «Комсомолки»? И «Неделя» вся? Никогда у вас ничего не застанешь!

Москва, Ленинский проспект, киоск № 356.

— Куда держите путь!
— В Свердловск. У людей поучиться, уму-разуму набраться...
— И я опытом интересуюсь. В Алма-Ату лечу.

— Итак, до следующей встречи!

один, а по меньшей мере три завода. Директор Н. Васильев пришел в ужас и срочно вылетел в Киев, в «Укрпропром». Его просьбу — привести документацию в порядок — группа тов. Тузмана выполняла несколько своеобразно: устраняя одну ошибку, она тут же добавляла две новых. И директору снова приходилось ехать в Киев, пока наконец проектировщики, обзвываясь, не заявили:

— На вас не угодишь! Не будем больше возиться с этим «Газашпаратом». Он нам осточертел.

ЗАПРОЕКТИРОВАННЫЕ ДЫРЫ

Но теперь все это в прошлом. Строительство завершено. Посмотреть бы вот только на те газовые плитки, что он выпускает! Новенькие, небось, сверкающие эмалью, изящные...

Ну, что ж. Поехали мы на улицу Парижской коммуны. Вот и завод «Газашпарат».

— Будьте любезны, покажите нам завод.

— Пожалуйста, — соглашается технолог завода Всеволод Николаевич Белоусов. — Пойдемте в главное здание.

Поднялись на второй этаж. Ремонтно-инструментальный цех. Стоят строгальные станки, но почему-то не работают. Обеденный перерыв, что ли?

— Могут и работать, — говорит один из рабочих. — Сейчас пустим. — И он нажимает какой-то рычаг.

«Трах! Гуу-у-у! Дррры!»

Все вокруг дрогнуло. Цех затрясся, как в лихорадке. Ходуном заходили стены. Задрожал пол, и мы, стоящие на нем, тоже стали ритмично подпрыгивать.

— Ишь, как вибрирует! — сказал рабочий. — И ты его лишь на восемнадцать оборотов пустил. А можно на сто тридцать восемь!

Пошли в соседний цех, механический. Здесь стояли фрезерные станки, тоже довольно увесистые. Возле некоторых станков в полу зияли дыры величиной с хорошую сковороду. Сквозь дыры просматривался весь нижний этаж.

— Да, очень интересно! А как бы нам посмотреть готовую продукцию? Плитки, сверкающие белой эмалью, гордость домовитых хозяек?

— Никаких плиток нет. И будут, по-видимому, не скоро.

— Но ведь завод введен в строй действующих!

Технолог пожал плечами:

— Готов только процентов на шестьдесят пять, а на тридцать пять не готов. У нас есть цеха менее неготовые и более неготовые. Вы их уже видели. А о плитках не может быть и речи. Когда-нибудь, конечно, будут. Вот только достроим завод...

Теперь понятно, почему нет жалоб на качество продукции. Если нет самой продукции, откуда взяться качеству? Хотя бы плохому?

НЕ МЕЧОМ, НО ПЕРОМ...

Во время оно фригийский царь Гордий завязал узел, который никто распутать не мог. В конце концов Александр Македонский разрубил этот узел мечом, чем положил конец бахвальству Гордия.

Узелок, который завязался на заводе «Газашпарат», оказался почтице гордиева. И не мудрено: ведь вязали его целой компанией. Тут «Укрпропром», и генеральный подрядчик — СМП-173, и целый взвод субподрядчиков. Вязали-вязали и довязались: сроки минули, деньги ушли, а завод недостроен.

И тогда в Закарпатском облисполкоме додумались до весьма оригинальной идеи. А что, если ввести этот горемычный завод в строй действующих, так сказать, авансом? Ведь тогда и денег дадут на зарплату рабочим, на материалы для выпуска продукции. А с лишними деньгами и людьми достроить завод уже нетрудно.

И 13 ноября прошлого года было вынесено решение за № 588: считать завод действующим. Областной финансовый отдел немедленно зарегистрировал штатное расписание. Завод начал комплектовать кадры, которые де-юре должны были выпускать газовые плитки, а де-факто — достраивать завод в тесном содружестве со строителями и монтажниками.

Вот таким манером, смело и остроумно, не мечом, а пером и пишущей машинкой, был разрублен запутанный узел на строительстве завода «Газашпарат».

Е. ЦУГУЛИЕВА,

специальный корреспондент Крокодила

г. Ужгород.

— Р-рыдало я, з-забытое тобою!..

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Сергей СМИРНОВ

ПОЭЗИЯ

Она еще нужнее стала
У нас и в наши времена.
И благородного металла
Все больше требует она.

Она звучит в строю идущих
Коммунистических бригад.
Она общается с грядущим,
Где каждый счастлив и богат.

Она в союзе с красным цветом.
Она, как молодость, права.
Она диктует всем поэтам
Определенные слова:

«Давайте говорить короче,
Гореть на всем своем веку
И, уплотняя день рабочий,
Добавим золота в строку!»

ПОЧЕМУ УМЕР ИВАН-ЦАРЕВИЧ

В СКАЗКАХ добро всегда торжествует, а зло наказуется. Всем, например, известна история о том, как злые братья в чистом поле серьезно изранили Ивана-царевича. Известно также, что серый волк стогнал тогда ворона за водой и вернул Ивана-царевича к жизни, sprыкнув его раны живительной влагой.

Этот счастливый конец придуман для детей. Чтобы они не росли пессимистами. Взрослым можно сказать правду. На самом деле все было по-другому.

Ворон был действительно послан за водой. И полетела птица над лесами дремучими, над песками сыпучими. Долго ли, коротко ли летел ворон, сейчас установить трудно. Только раскинулся у него под крылом областной город Киров.

Камнем ринулся ворон вниз, к водопроводной колонке. Крыльями бил, клювом клевал — не сумел достать воды ни капли. Хотел уже было на другой конец города податься, да, спасибо, встретились ему знающие люди. Объяснили они неразумной птице, что искать здесь воду — дело почти безнадежное. Внял ворон мудрому слову, тяжело вздохнул и взвился в небо.

Не успел он толком высоту набрать, смотрит: посреди города Зуевки, той же Кировской области, очередь с ведрами стоит. Ну, думает ворон, за живой водой очередь. Снова камнем ринулся вниз, ударился о сырую землю возле водопроводной колонки и обернулся красной девицей.

Встала красна девица в очередь за водой, а очереди той ни конца ни края не видать. Так бы простоял ворон в очереди целые сутки, да вовремя заметил, что вода из ко-

лонки идет такая мутная и грязная, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Где уж ему Ивана-царевича исцелять! Не то что сказочного — обыкновенного гражданина загубить можно!

Сообразил ворон, что нечего ему делать в Кировской области, обернулся вновь птицею и полетел дальше, торько сетуя на равнодушие и бесхозяйственность местных властей.

Решил ворон попытать счастья в других краях. Раз махнул крылом, два махнул — и очутился в жарком городе Майкопе. Заглянул в одно окно, в другое — повсюду одна и та же картина. Стоят везде сосуды с невиданной бурой жидкостью. Не рискнул ворон воспользоваться услугами здешних водопроводчиков. Убоялся, что за такую воду серый волк ему все перья выдергает.

Скрепя сердце лег ворон на обратный курс. Давно уже скрылся Майкоп за сизым облачком, а в птичьем мозгу все еще не укладывалось: как же такое могло случиться, что в большом городе не сделали очистителей и отстойников для воды!

А путь его проходил уже над Борисоглебским районом, Ярославской области. Глянул ворон вниз, видит, за околицей села Опальнево сидят колхозницы. Ударился ворон о землю, обернулся прохожим и спросил у женщин, нельзя ли здесь живой воды достать. И ответили ему колхозницы из артели «Родина»:

— Ступай дальше, добрый человек. Нет у нас воды и не предвидится. Много дней и ночей копали колодец в прошлом году, но так и не добрались до живительной влаги. А что дальше делать, никто из местного начальства не знает...

Взмахнул крыльями ворон что было силы и опомнился только возле далекого города Усолье-Сибирское. И тут в зобу у него дыханье сперло, поскольку увидел он перед собой не хлябь болотную, не колонку бездействующую, а славную речку Ангару. Вода в ней чистоты неопишуемой. Только не с руки было ворону черпать воду прямо из реки. Открыл он водопроводный кран и... отпрянул в ужасе: хлынула из крана страшная жидкость асидного цвета, насыщенная щепками да камешками. Не решился ворон притронуться к этой воде.

А потом пожалел. Пожалел, когда увидел воду барнаульскую: во сто крат гуще была она, чем в Усолье-Сибирском. А добывают ту воду в реке Оби как раз рядом со сливной канализацией, куда выпускают отходы с овчинно-шубного завода, нефтебазы и артели «Кожсырьеобработка». Смекнул ворон, что вода эта мало похожа на живую, хотя от нее и исходит бодрящий запах хлора. И полетел дальше.

Занесли его крылья широкие в Кокчетав областной. Видит: стоит на улице цистерна с водой. Ну, думает, наконец-то уж отлучился. Но только начал он над цистерной кружить, вдруг слышит странный разговор.

— Талон есть? — спрашивает шофер-водовоз у доброго молодца с ведрами.

— Есть, — отвечает добрый молодец.

— Тогда гони еще сорок рублей — целый месяц с водой будешь.

Понял ворон, что водой здесь попросту спекулируют. Заплакал горячими слезами и полетел дальше. Решил он такое место поискать, где не пришлось бы ему за воду златом-серебром расплачиваться.

Приземлился он в поселке Белоусово, Вологодской области. Смотрит, на весь поселок один сруб колодезный, а у сруба старичок стоит. С каждого, кто за водой приходит, старичок монетку берет и билетик отрывает.

И уж совсем отчаялась вещая птица, посетив город Березники, Пермской области. Стал там ворон просить воду у жителей пятиэтажного дома. И началось! На верхнем этаже объяснили ворону, что сюда вода не доходит: напор слабый. На четвертом — та же история. На третьем — засмеяли бедную птицу. На втором — выгнали в форточку. Не разбирая дороги, в панике бросился ворон куда глаза глядят.

Упал он, обессиленный, в Кировском районе города Новосибирска. Подобрали ворона добрые люди. Стали отборным зерном кормить, искусственное дыхание ему делать. А ворон от всего клюв воротит и только воды просит. Развели руками жители Кировского района и рассказали птице о своей печальной доле. Только в два часа пополудни бывает у них вода. В те часы никто в районе век не смежает, все у кранов дежурят, чтобы водой на завтра запастись. Чуть рассвет забрезжит, вода кончается, и опять до ночи перерыв.

...Все-таки набрался ворон сил, дальше полетел. И, как нарочно, попадал не в те поселки и города, где и водопровод и колодцы действуют исправно, а туда, где люди с воды на воду перебиваются.

За один день ворон ухитрился побывать во множестве мест. В иных городах выходили на крылечко тесовое работники коммунального хозяйства, чесали затылки, глядели в небо на парящего ворона и вздыхали:

— Как бы он, проклятый, фельетон не накаркал...

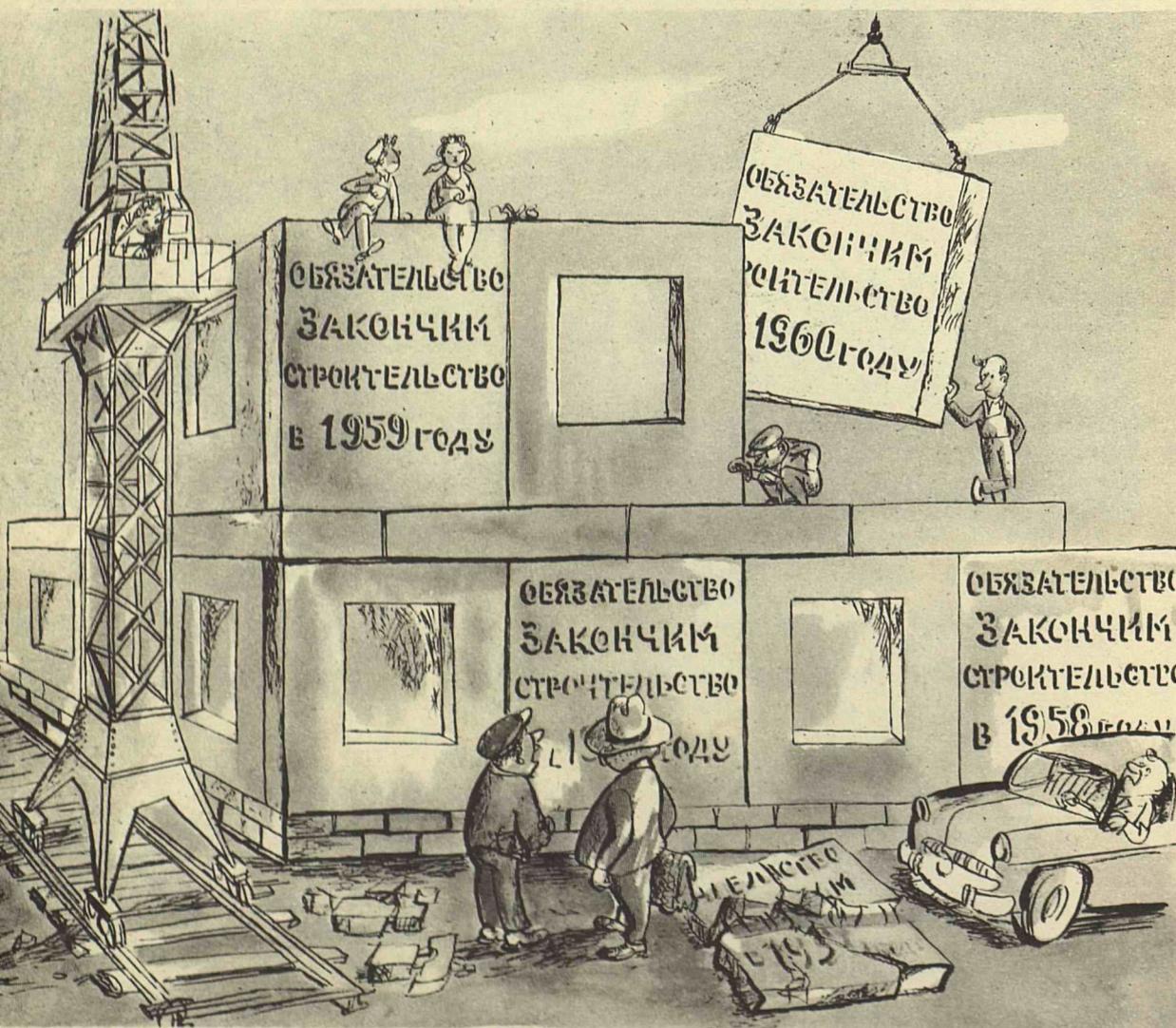
А пока суть да дело, самочувствие Ивана-царевича резко ухудшилось. Так и не дождавшись живой воды, этот добрый молодец, вопреки известной версии, отправился к праотцам.

Факт кончины сказочного героя установили

Дм. ИВАНОВ,
Вл. ТРИФОНОВ.

Рисунок Б. САВКОВА.

Многообещающее строительство.

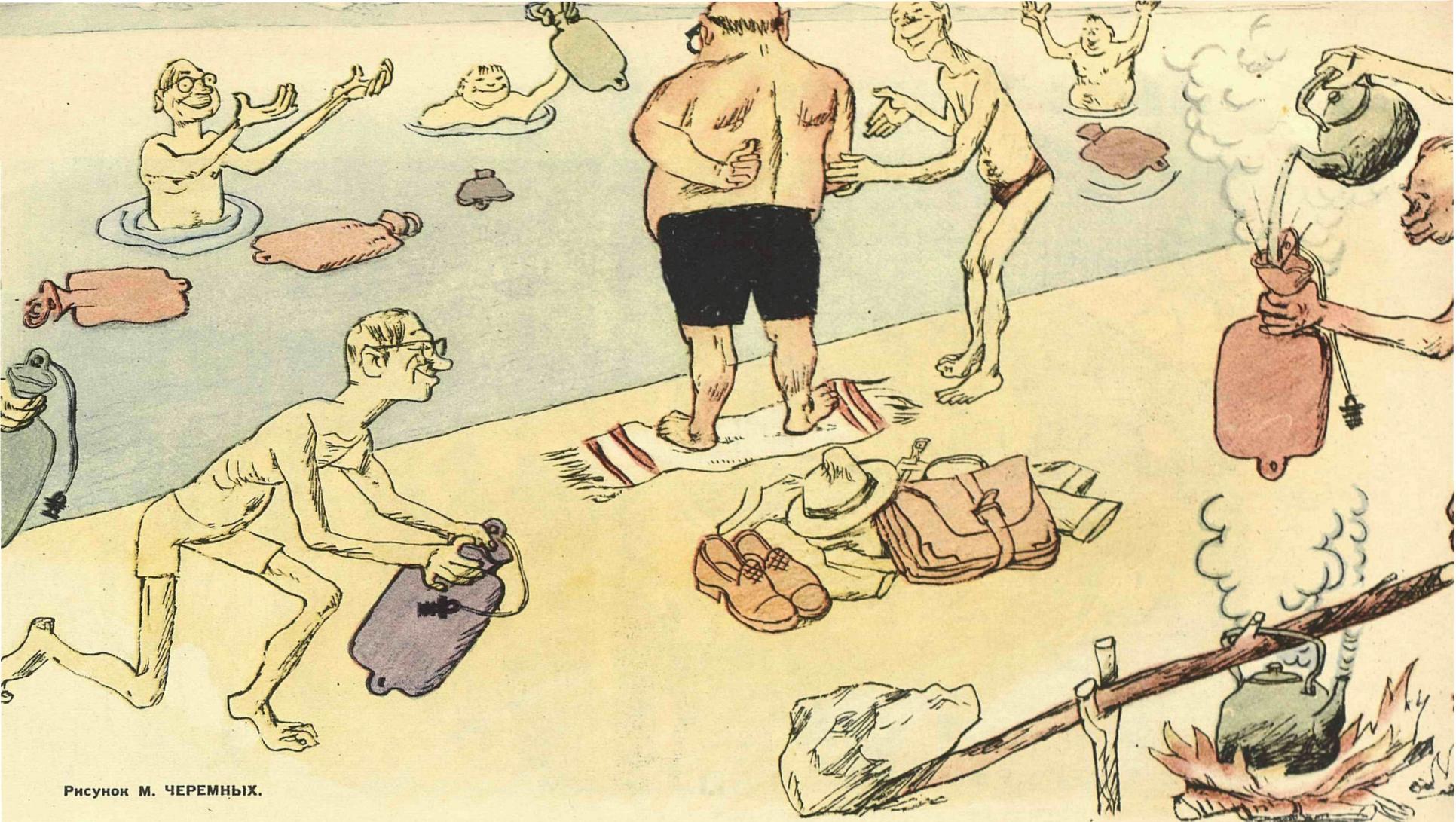

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

— Не извольте беспокоиться, Иван Иванович, вода тепленькая!..

СРЕДИ МУЗ И ГРАЦИЙ

Необыкновенный концерт

В ЗАЛЕ, как всегда, многолюдно. Раздвинулся занавес, и лихой бодрячок открыл вечер стихотворной информацией:

Недавно зритель, сидя в зале,
От пива впав внезапно в транс,
Решил, что создан мир вначале,
А вскоре первый конференс...

Кто-то из третьего ряда выкрикнул:
— Бессмыслища!

Но конференсье немедленно перешел в контр-наступление:

— А рифма?!

Рифма действительно налицо — против этого возражений не последовало. И, окинув зал победоносным взглядом, ведущий продолжил историко-литературный экскурс:

Взять хоть бы Пушкин. Драмы, станы,
Стихотворений целый шквал...

Он все писал, а конференсы

И он, увы, не создавал...

— Оно сразу и видно! — послышался тот же голос из третьего ряда. — А кто вам все-таки этот бред создал?

На какую-то долю секунды бодрячок заколебался и чуть не назвал фамилию сочинителя: Зисман. Но тут же овладел собой и, притворившись, будто не расслышал реплику, заявил вполне официально:

— Итак, вечер сатиры и юмора продолжается. Следующий номер нашей прогр-р-ам-м-м-ы — выступление автора-куплетиста Сергея Вронского. Попросим!..

Под бравурные звуки отыгрыша куплетист выпорхнул на эстраду и сразу показал свое творческое лицо:

В ателье, где все уютят,
Посетитель нервно тужит:

Ай-яй-яй!

Брюки гладили по чести

И спрожгли на главном месте...

Ай-яй-яй!

Не будем скрывать: одному зрителю, видимо, из тех самых, что «от пива впали в транс», куплеты пришлись по душе. Ценитель прекрасного неистово заревел «бис» и полез на эстраду целоваться, но был выведен под ручки двумя билетершами. Они вели его из зала в тихонько увещевали:

— Ай-яй-яй, как нехорошо! Ай-яй-яй, как стыдно!

А куплетист между тем не унимался. Он демонстрировал свое искусство в стихах и в прозе, в монологе и в диалоге. Уподобив свою жизнь сказке, он сообщил для всеобщего сведения, что жена у него ведьма, теща — баба-яга, ребята — чертенята, зато соседка — Василиса Прекрасная...

Под конец своего выступления Сергей Вронский, лихо напивив на макушку восточный головной убор, сообщил: враги тубетейковладельца утверждают, будто он лысый. На самом деле они сами плешивые...

Тут сразу из нескольких концов зала яростно зашикали, но конференсье, словно ничего не случилось, продолжал свое нелегкое дело:

— Следующий нашей прогр-р-ам-м-м-ы — малоформист Флориан. Его конек — маленькие интермедии. Попросим!..

Желающих «попросить» не оказалось. Но это зрителей не расстроило. Флориан завладел эстрадой и начал разговаривать за двоих: один будто бы провозглашает объявления, а другой их дополняет. Тенорком Флориан уговаривал граждан не бросать мусор на тротуар, а басом приглашал:

— Бросайте его на мостовую!
Флориановский тенор умолял зрителей: не давайте детям играть со спичками. А флориановский бас рекомендовал:

— Давайте им зажигалки!

Тенор просил не плевать на пол, а бас разрешал:

— Плюйте на потолок!

...Зал был уже на три четверти пуст, а концерт шел своим чередом. Автор — куплетист Игорь Мэй — игриво, хоть не совсем грамотно упрекал кого-то, что он женился на юной секретарше, а сам «весьма ее постарше». А посему

И отстают его часы

Уж лет на тридцать восемь...

Дуэт сатириков Батицкий — Виккерс без всякого стеснения уверял, будто на толкучке собираются «кучки» вокруг спекулянта, который, продавая «брючки», утверждает:

Отдаю задарма,

Бо в магазине вже нема!..

А исполнитель виршей собственного изделия Каневский поведал свою заветную мечту:

Если бы я был брюнетом,

Я бы жалости не знал.

Я бы эту... эту... эту...

И вон ту причаровал...

Вы сомневаетесь, мог ли состояться подобный концерт?

Почему бы и нет?!

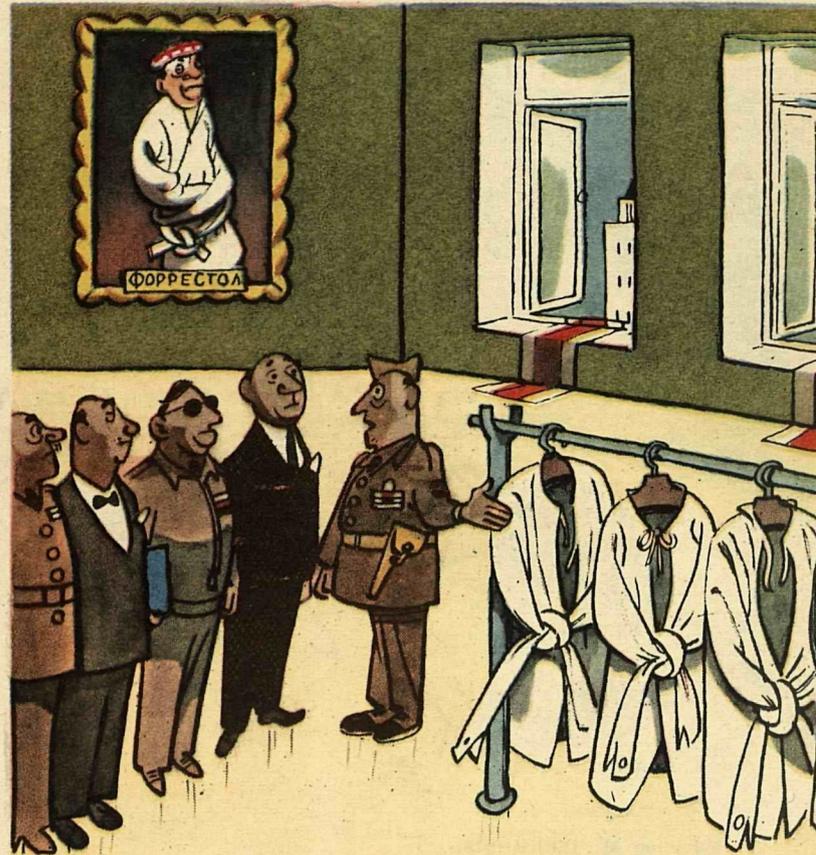
Все названные выше фамилии подлинные. Все цитаты точные. Некоторые творения, из которых эти цитаты позаимствованы, уже исполняются на эстраде. Другие рассылаются по концертным организациям и циркам, по адресам отдельных артистов. Авось, где-нибудь клюнет...

Пусть не клюет! Пусть общими силами зрителей и артистов будет поставлена нерушимая преграда пошлости!

И. АБРАМСКИЙ,
С. ШЕВЕЛЕВ

— Наш шеф неважно играет в гольф, но все же меньше делает промахов, чем на основной работе.

— Итак, запомните! По сигналу тревоги вы надеваете рубахи и кидаетесь к окнам!

Ввиду того, что Пауэрс остался жив, в Пентагоне был объявлен траур.

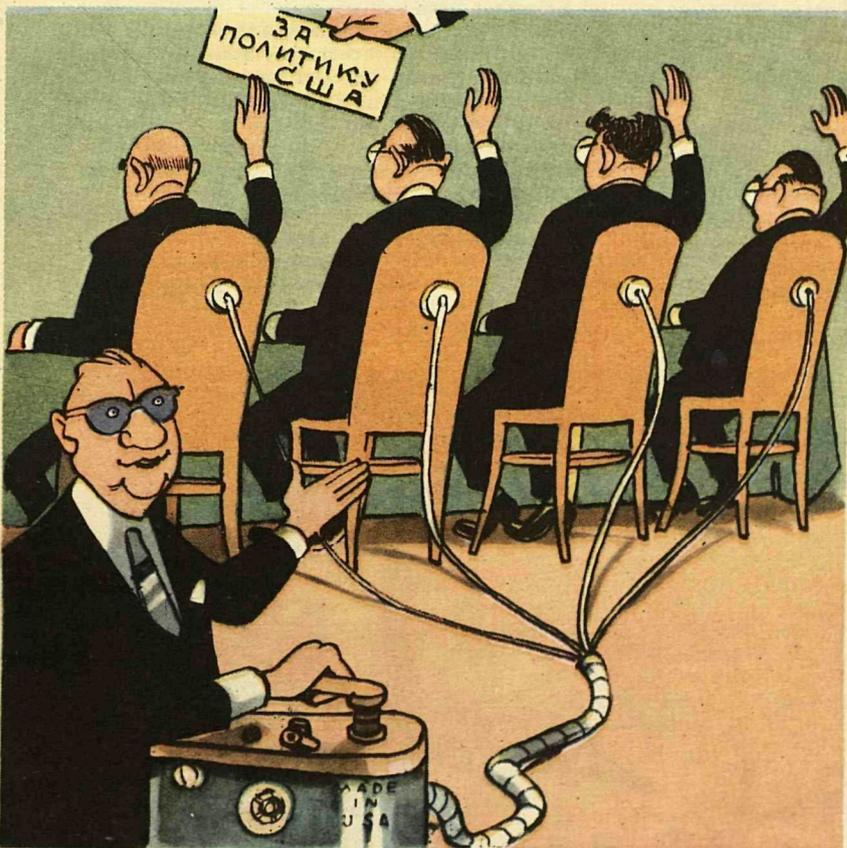

Представитель Чан Кай-ши в ООН. Жалованья не получает. Кормится на проценты с чаевых, которые получает его хозяин.

КОРРЕСПОНДЕНТ И КАПУСТА

АЛЛЕН ДАЛЛЕС:— А это, ребята, вам, на булавки.

— В Советском Союзе изобрели ракету, которая сбивает шпионов, а мы изобрели машину, которая шпионов поддерживает.

ПРОСМАТРИВАЯ как-то английский журнал «Спектейтор», мы заметили письмо в редакцию. Оно гласило: «Статья Бернарда Левина доставит коммунистам бездну удовольствия, и я почти уверена, что ее перепечатают полностью в московском юмористическом журнале Крокодил. Русские любят лубликовать подобные статьи для развлечения своих читателей, и я опасаясь, что на этот раз у них есть все основания для смеха».

Всегда приятно, когда читатели заботятся о хорошем материале для нашего журнала. И мы прочли указанную статью. Английская читательница не ошиблась: перед нами был шедевр. Шедевр ненамеренной сатиры на стиль репортажа некоторых западных журналистов из Советского Союза.

К сожалению, из-за недостатка места мы не можем воспроизвести репортаж мистера Бернарда Левина целиком, но и отдельные выдержки из этого выдающегося произведения свидетельствуют о блестящем юмористическом таланте автора.

Корреспондент «Спектейтора» пишет: «Столица, насчитывающая четыре миллиона жителей и не имеющая ни телефонного справочника, ни свежего салата,— это, может быть, и звучит анекдотично, но уверяю, что здесь не до смеха. Я остро ощущал недостаток в этих двух предметах. Дело в том, что отсутствие салата отражает низкий уровень жизни, а отсутствие телефонной книжки свидетельствует о том, что бесконтрольное общение людей между собой в Советском Союзе не поощряется и на это смотрят косо».

Итак, у корреспондента «Спектейтора» есть точный критерий уровня жизни — это наличие свежего салата. Только салат может характеризовать благосостояние нации. Новые дома, отличные квартиры, разнообразные предметы потребления — все это ничего не значит. Но самое забавное — это то, что салат в Москве есть. Правда, английский корреспондент не указывает, где он искал свежий салат. Может быть, его смутило, что он не мог найти этой зелени ни в одном из буфетов Большого театра? А может быть, он искал заветные листья в букинистических магазинах?

Английский корреспондент искренне жалеет солидных, убеленных сединами людей, которые, желая позвонить кому-нибудь по телефону, «ищут номер телефона в своих маленьких записных книжечках». Вот бедняги! Нет чтобы вынуть из пиджачного кармана пятикилограммовую телефонную книжку и, покопавшись в ней минут двадцать, позвонить приятелю!

Телефонные справочники у нас действительно не носят с собой, а держат их дома. Но какое дело до этого бравому борзописцу!

Да что телефонные справочники! Корреспондент «Спектейтора» пишет: «Русские не имеют права путешествовать по своей стране без особого разрешения властей... В Москве нет ни баров, ни кафе. Это сделано для того, чтобы люди не общались между собой».

Так-то вот и мучаются россияне. Хочешь съездить в Сызрань к тетке,— пиши заявление на имя очередного пленума ВЦСПС. Там рассмотрят его и, может, по недосмотру разрешат... Хочешь сходить в кафе — не тут-то было. Начисто все кафе уничтожили зловредные большевики!

* * *

Нас заинтересовало, как прореагировали сами англичане на откровения Бернарда Левина. И надо сказать, что британский юмор оказался на высоте. Вот что пишет в редакцию «Спектейтора» некий Александр Кэндрик: «Со времен бессмертного произведения Марка Твена «Простак за границей», вероятно, не было написано ничего столь наивного, как сообщение Левина. Что же касается салата, то отсутствие его не в большей степени отражает низкий уровень жизни русских, чем отсутствие жареной «кукурузы» «Пап-корн» — излюбленного лакомства американцев — в Лондоне».

Еще до того, как русские стали коммунистами, они предпочитали капусту, а листья салата правильно рассматривали как подходящую пищу для кроликов».

Хорошо, что об этом не знал мистер Левин, иначе он бы сказал, что кролики пользуются в Советском Союзе большим уважением, чем люди. Впрочем, он и без этого снискал себе репутацию «козла в огороде». При этом козла блудливого!

А. БАРАНОВА,
З. ЮРЬЕВ

Эпиграммы

Братья - разбойники

Жили-были три брата,
Три заядлых пирата,
Все — большие друзья президента.
Одного звали НАТО,
Другое — СЕАТО,
А третьего — СЕНТО.

Узаконенный бандитизм

«Правоведы» вашингтонские
Славят методы шпионские,
Защищают как законные
Вылазки диверсионные!

Сергей ШВЕЦОВ

АВИАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПСИХОЗ, сопровождающийся галлюцинациями, возбудителем которого является американский вирус «У-2»

ПАРИЖ, 18 мая 1960 года... Только что у меня на приеме побывал больной, подверженный навязчивым галлюцинациям. Ввиду необычности их проявления, а также той опасности, которую они представляют для всех нас, я считаю своим долгом довести об этом до сведения нашей академии.

Врачебная этика не позволяет мне указать имени моего пациента (я буду называть его господином Г.), но я вынужден коснуться довольно подробно некоторых событий его жизни, имеющих весьма существенное значение для определения генезиса болезни.

Г. — мужчина лет тридцати, с мертвенно-бледным лицом, часто охватываемый лихорадочной дрожью. Он крадучись вошел в мой кабинет и бросился к моим ногам с просьбой помочь ему освободиться от кошмаров, с недавних пор превративших для него ночь в пытку. Он журналист, точнее, комментатор по внешнеполитическим вопросам Французского радиовещания.

Я уложил его на стоящий у меня в приемной диван, успокоил, а затем стал подробно расспрашивать. Он бессвязно рассказал мне о своей деятельности за последние время и преследующих его галлюцинациях, причем я обратил внимание на обстоятельства, которые можно считать «побудительными причинами»:

1) 6 мая. Придя в радиостудию, Г. узнает, что опубликовано советское коммюнике, в котором сообщается о сбитом американском шпионском самолете. Он тут же составляет комментарий на привычную тему: «Новое измышление советской пропаганды». Когда он возвращается домой, жена, слышавшая его выступление по радио, задает ему вопрос: «А что, если это все же окажется правдой?» В связи с этим у Г. начинается проявляться нервозность, выражающаяся в ссорах с супругой и бессоннице, против которой приходится употреблять коньяк.

2) На другой день. По прочтении американского коммюнике, сообщавшего о пропавшем без вести самолете метеорологической службы, пилот которого, очевидно, устал и сбился с круга, Г. сочиняет вдохновенную речь о Правах Человека и человеческой солидарности и разоблачает варварство народа, обстреливающего мирный самолет вместо помощи ученому, обессилевшему в результате длительных наблюдений над звездами (в этот период болезнь еще не обнаруживается).

3) Г. знакомится с полученным из Москвы сообщением, в котором говорится, что пилот

*Несколько выдержек из
чрезвычайно интересного
сообщения, направленного
в Парижскую медицинскую
академию доктором Жан-Пьером
Шабролем, адъюнктом,
профессором психиатрии*

самолета взят в плен. Он рассматривает фотографии, показывающие аппаратуру самолета и снаряжение летчика, после чего приступает к составлению одного из своих лучших (как он считает) комментариев, посвященного этому инсценированному инциденту. Г. указывает, что доказательства слишком неопровержимы для того, чтобы они соответствовали действительности. В заключение он изобличает палачей, в руки которых попал бедняга-ученый Пауэрс, и выступает в защиту этой несчастной жертвы науки, взывая к сердцу народов всего мира (тем самым завершается подготовительная стадия болезни).

4) В воскресенье Г. узнает о заявлении генерала Эйзенхауэра, признающего, что это был действительно шпионский самолет, но утверждающего, что операция проводилась без его санкции и даже без его ведома.

(Здесь больной сказал мне, что он был вынужден выпить немало коньяка, ибо его ждал очередной комментарий. В нем говорилось, что советским людям следовало бы поучиться у американцев хотя бы их чистосердечию. Если бы они умели так же откровенно признавать свои ошибки, то переговоры о мире проходили бы более успешно...)

«Что касается шпионажа, то это — дело обычное, — комментировал далее Г. — А русские хватаются за все, что ни попало, чтобы привлечь к себе внимание. Только русские могут поднимать такой шум из-за пустяков...»

«Никогда до сего времени я не сталкивался с такими трудностями в своей работе», — заметил мой пациент. В ту же ночь ему впервые начали мерещиться самолеты-фотографы, пытавшиеся отодрать его за уши, и президент Айк, игравший в гольф и забрасывавший ему в ноздри мячи. Утром жена рассказала, что он всю ночь ругал генерала Эйзенхауэра и то и дело повторял: «Боже мой, кому же теперь доверять?..»

5) Я не буду здесь подробно описывать по-

степенного обострения болезни моего пациента, скажу лишь, что ухудшение наступало каждый раз в связи с противоречивыми коммюнике, поступавшими из Вашингтона.

Заявление президента Эйзенхауэра о продолжении шпионажа, его необходимости и дальнейшем его усилении отмечает начало серьезного обострения болезни. Для того, чтобы сочинить свой комментарий о стойкости американцев перед лицом угроз со стороны народа, не желающего подвергаться шпионажу, Г. приходится значительно увеличить дозу потребляемого коньяка. Вечером он ссорится с женой, называющей его «непостоянным, как флюгер». Ночью его преследуют кошмары: ему снится, будто он единственный пассажир автобуса, вращающегося вокруг земли на высоте нескольких километров, причем к кончику его носа подвешен самолет метеорологической службы. А главный редактор вонзает ему в поясницу перо огромной авторучки, набитой платежными ведомостями, и заставляет кричать: «Как темно!», в то время как светит солнце, и «Как светло!», когда они пролетают среди звезд. К тому же Г. чувствует себя уже не человеком, а манекеном, мельчайшие движения которого благодаря специальной системе радиосвязи становятся известны всем народам, оглушительно хохочущим над его ужасами.

6) На другой день Г. испускает вопль ужаса при виде входящего к нему в кабинет главного редактора. Он тут же ощущает острую боль в пояснице, но, обернувшись, не замечает ни гигантской авторучки, ни платежных ведомостей.

Несколько удивленный столь необычным его поведением, начальник предлагает ему все же написать серию комментариев, трактующих о недобросовестности Советского Союза, дипломатической честности Эйзенхауэра и романтической судьбе Аллена Даллеса. При этих словах Г. начинает кататься по полу.

После того как Г. была оказана первая помощь в ближайшей психиатрической больнице, он был направлен ко мне на лечение.

В своих последующих сообщениях я еще коснусь более подробно ужасающего действия вируса «У-2», а сейчас мне необходимо кончить, так как ко мне на прием привезли главного редактора господина Г.

По всей вероятности, мы имеем дело с профессиональным заблуждением.

Перевод с французского
И. ФЕДОСЮК.

Рисунки старейшего прогрессивного художника США Фреда ЭЛЛИСА.

Грабеж.

Закон Линча.

„Отелло“

МЕТОМ прошлого года неотложная служебная командировка забросила меня в Новые Сенжары, что близ нашей благословенной Полтавы. Стоял немилосердный июль, и на дворе свирепствовала такая жара, что даже недремлющие новосенжарские дворняги, забившись в густые приусадебные кущи, лежали, словно в обмороке, и решительно отказывались выполнять свою извечную обязанность: налетом хватать за штаны незнакомых прохожих и командированных.

Говорят, от жары есть только одно спасение — глубокий погреб. Но знакомых и родственников в этих краях, к великому сожалению, у меня не было, и все мои шансы воспользоваться такой благодатью сводились к нулю.

Оставалось одно: вспомнить, что при таких температурных излишествах мудрые узбеки пьют горячий чай и таким образом облегчают свое положение.

И пошел я, «солнцем палимый», в районную чайную. Наступила обеденная пора, и в небольшом скромном зале стоял разноголосый людской гомон, сопровождаемый мелодичным перезвоном граненых стаканов, наполненных той пресловутой жидкостью, которая не претендует, чтобы ее называли чаем, и которую можно пить без видимого вреда для здоровья и для окружающих разве что в трескучие морозы.

Я пробрался к единственному свободному столику под стандартной копией шишкинских «Мишек», сел и принялся изучать меню.

Каждый командированный «волк» из личного опыта знает, что почти во всех наших периферийных столовых, существующих, как правило, под вывеской «Чайная», чаю никогда нет, а если он и бывает, то оказывается...

— Вот только что перед самым вашим приходом, ну, решительно весь выпили...

Остановившись на разделе «Десертные блюда», я изумленно захлопал глазами. Чудесный парадокс: на первом месте этого сладкого раздела фигурировал чай. Значит, есть еще чайные с чаем!

Вытирая с лица обильный пот, славлю мысленно новосенжарских деятелей общественного питания и жду официантку.

Но раньше к столу подошел длиннолицый дядя лет под сорок и, не спрашивая разрешения, как-то необычно, будто с разгона, сел на стул. Он даже не поздоровался, что редко бывает на Полтавщине. По доброй старой традиции тут даже незнакомому всегда скажут «здравствуйте», а этот сел молча, словно за столом никого и не было.

Выражение его лица показалось мне более чем странным. Такое лицо бывает у крупных растратчиков накануне ареста или у людей, которые твердо решили покончить жизнь самоубийством.

Я хотел заговорить с ним, расспросить о его горе, но подошла милостивая, совсем молоденькая официантка и спросила, очень мягко выговаривая «эль», что мы «изволим кушать».

— Дайте, пожалуйста, два стакана горячего чаю, — попросил я.

— И-и, такое выдумали! — засмеялась официантка. — Кто же в жару горячий чай пьет! Нет сейчас чаю. Съешьте лучше холоденького взвару, а еще лучше — стакан молочка из-под скаженного бычка. Гуляшом закусите, так это и полезнее будет.

Хочешь не хочешь, а пришлось остановиться... на взваре.

— Мне двести грамм, борщ и гуляш, — загробным голосом отозвался мой сосед по столу, не отрывая печальных, мутных глаз от порожней стеклянной баночки, которая каким-то чудом сберегла на себе сухие желтые следы горчицы.

Пил я помаленьку взвар и наблюдал, как обедает мой сосед. Выпив одним махом свои двести граммов, закусывал он нехотя, без аппетита. Мне даже казалось, что не он ест заказанные блюда, а они его едят, но едят тоже без видимой охоты, а так, для приличия.

Я нарушаю затянувшееся молчание и спрашиваю:

— Должно быть, какое-то горе постигло вас?

Он впервые глянул на меня своими мутными глазами и будто только теперь увидел, что за столом сидит еще кто-то. Он даже перестал жевать.

— Вы что-то сказали?

— Мне кажется, что у вас на душе какое-то горе.

— Э-эх, лучше не спрашивайте! — простонал мой сосед и принялся сосредоточенно ковырять вилкой в тарелке, словно на дне ее было что-то спрятано.

В его голосе было столько тоски и отчаяния, что у меня мурашки по коже забегали, а температура теплого взвара резко пошла вниз.

— А что все-таки случилось? Умер кто?

— Хуже.

— Проворовались?

— Хуже.

— Хата сгорела?

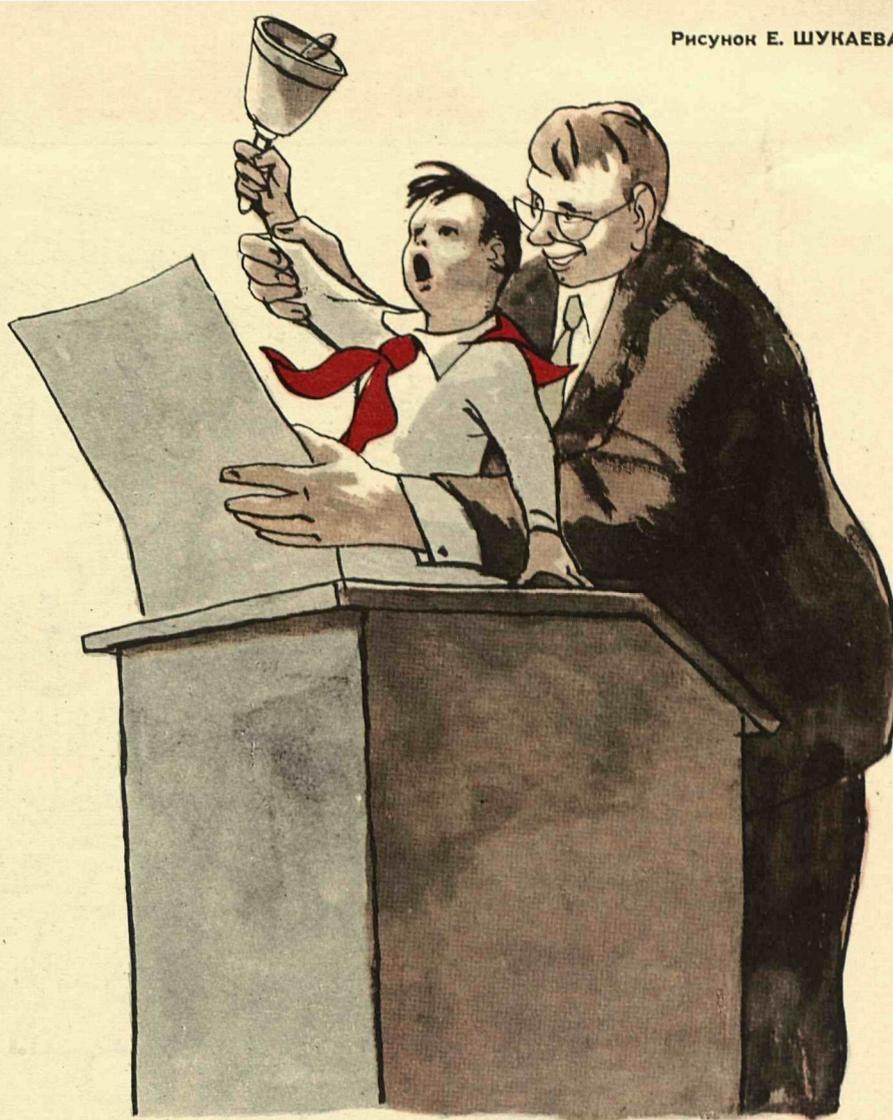
— Хуже. Жинку прогнал. И любил безумно и уважал, а вот взял и побил, как шкодлившую кошку, и прогнал к чертовой матери!

— За что же вы ее так?

— Э-эх, лучше не спрашивайте! — снова простонал сосед.

Мне даже жалко его стало.

— Не падайте духом, — утешаю я соседа. — Человек вы еще не старый и при нынешней диспропорции между мужской частью населения и женской еще найдете себе достойную подругу. Женитесь, и все будет хорошо.

Как иногда выглядит руководство пионерской работой.

— Так уже надоело!

— Что надоело? — спрашиваю.

— Жениться.

— А разве вы это не первую прогнали?

— Какое там первую! Четвертую уже.

— Ого! — вырвалось нечаянно у меня. — Что же это вы их меняете, как цыган коней?

Он во второй раз поднял на меня свои мутные очи, и теперь я увидел в них что-то схожее со злостью и презрением.

— Никто не ведает, как кто обедает. Думаете, я виноват? Думаете, не любил, не угождал, не уважал? Любил, угождал, уважал, а чем отблагодарили? Как только отвернешься, так сразу на другого очами поводит, как только где задержишься, — она уже в кино. Так уж я с ними настрадался, так намучился, что и не приведи господи! И бил и уговаривал, а оно как горохом о стенку.

То ли в нем заговорило оскорбленное чувство, то ли стали действовать выпитые граммы, но мой сосед начал вдруг вспыхивать, как костер под сильным, порывистым ветром.

— Ну, что это, скажите вы мне, за бесстыжие женщины теперь пошли! Какую ни возьми, все одно с червоточинкой, все одно с ветром в голове!

Я хотел сказать, чтобы он на минутку взглянул в зеркало, но воздержался. Еще, чего доброго, сатисфакции потребует.

* * *

А теперь скажу вам, почему припомнилась мне эта случайная встреча в новосенжарской чайной.

На этих днях, просматривая редакционную почту, я обратил внимание на небольшое письмецо, написанное группой колхозниц из села Котлова, Ново-Сенжарского района. Колхозницы писали: «Уважаемая редакция! Слышали мы, что в некоторых селах объявляются сектанты, а в нашем селе объявился «Отелло». Это так себя величает колхозник нашей артели Николай Кузьменко. Четвертую жену из дома прогнал и уже за пятой ухаживает. Да еще и похваляется, сатана. «Я, — говорит, — ревнив, как тот Отелло. Так что, если и пятая начнет в кино бегать да по сторонам поглядывать, разговор будет короткий. Надаю в дыхало, и катись к чертям». Так напиши нам, уважаемая редакция, что нам делать с этим клятым Отеллой».

Да, несомненно, это был он, «Отелло». Это наверняка его я видел в новосенжарской чайной в тот знойный июльский день.

Я ответил возмущенным колхозницам довольно уклончиво. Я написал им так: «Делайте с этим «Отеллой» все, что хотите. Но топить его в пруде я бы вам не советовал».

А теперь жалею. Боюсь, что не послушаются они меня, и вблизи Полтавы появится еще один загрязненный водоем.

Авторизованный перевод с украинского Н. ДЕТНОВОЙ.

ОГРАДОстроительство.

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

Юрий БЛАГОВ

В РОДНОМ КРАЮ

Я в Москве делами всеми
Связан вдоль и поперек,
Но приехать выбрал время
В свой родимый городок.

И сейчас же, утром ранним,
Хлебосольная родня
Грандиозным возлияньем
Удостоила меня.

Днем, шатаюсь, вышел в
город,
Но приятели отца,
Потачив меня за ворот,
Накачали молодца.

Еле вырвался под вечер,
А соседка и сосед
В честь такой приятной
встречи
Вмиг обтяпали банкет.

Поздней ночью, слаб и
мрачен,
Я до станции дошел,
Но друзьями был захвачен
И опять попал за стол.

Я контактом с земляками
Был настолько упоен,
Что пришлось потом
кусками
Погружать меня в вагон...

И про «гостя дорогого»
В городке пошла молва:
«Раньше в рот не брал
хмельного,
Да испортила Москва!»

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Остается только пожалеть коллектив, который так любовно растил из него жулика и проходимца».

(Из выступления прокурора.)

«Меня назвали сутягой, но пусть сначала докажут, сидел ли я хоть одни сутки».

(Из показаний обвиняемого.)

Записал М. КИРИЛЛОВ.

с. Яминское, Алтайского края.

«Категорически отвергаю обвинение, что я будто мелкий хулиган, поскольку я человек с высшим образованием».

(Из выступления в суде.)

«Желая поймать жену на месте преступления, я под предлогом выезда в командировку двое суток просидел в погребе и заболел воспалением легких. Не видя с ее стороны ухода и сочувствия, я решил, что дальнейшая совместная с ней жизнь немислима».

(Из заявления о расторжении брака.)

В. ЩЕЛЫВАНОВ

г. Чебоксары.

На новой улице

Тут нет других торговых точек
(Спешить не любят «прод» и
«пром»).

Один поспел сюда ларечек,
«Зеленый змей» в ларечке том!

А. МАЛИН

г. Симферополь.

Наброски с природы

Надпись на дверях ему понравилась:
«Тянуть к себе!».

На плакате корчился человек,
сраженный молнией. Под ним было
написано: «Экономьте электроэнергию!».

В служебной характеристике
было указано:

«Участия в повседневной жизни
не принимает. Внешний вид отсутствует».

Вл. ДЕМЬЯНОВ

г. Керчь.

Руководящий болельщик

БОЛЕЛЬЩИК бывает разный. Один суетливо дергается на трибуне, перебирает пуговицы на рубашке, словно клавиши аккордеона, а из груди его хлещет:

— Коля, да-а-вай! Коля! Коля!

Другой, с лицом непроницаемым, как у статуи в районном парке, молчит всю игру. За пять минут до конца он складывает шляпу вчетверо и, массируя чужие мозоли, на прямых ногах шагает через ряды.

Законченный болельщик — это жертва футбольной лихорадки.

У большинства такая болезнь протекает в легкой форме, а у некоторых — в острой да еще с осложнениями. Последнее чаще всего относится к особой категории болельщиков — немногочисленной, но могущественной.

Миасскую долину (Челябинская область) именуют золотой. Футболисты же называют ее райской. Открывают райские врата руководящие болельщики: председатель завкома УралЗИСа Иван Григорьевич Ковалев, а также его правая рука и заместитель Иван Прокопьевич Алексеев. Надпись над вратами гласит:

«Если ты не отличаешь пожарного крана от подъемного, а лебедку считаешь подружкой лебедя, но без промаха бьешь по воротам, — спеши на УралЗИС!»

У нас кто не работает, тот играет в футбол! Ваше дело — попадать в шестерки и девятки, наше — проставлять «восьмерки» (то есть 8 часов рабочего времени). Обеспечиваем жильем.

Добро пожаловать на УралЗИС!»

Рекламе можно верить. Славные труженики футбольных полей являются на завод два раза в месяц. Вратарь Мамаев направляется за получкой в литейный цех, полузащитник Куклий спешит в моторный цех, а нападающий Багаев — прямоком на главный конвейер. Как-никак, он числится мастером, и ему любопытно, сколько на этот раз придется на его долю премиальных.

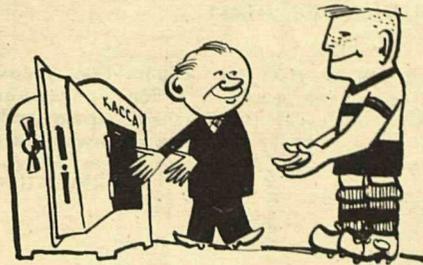
Что ж, игра, как известно, стоит свеч! В том числе футбольная. А в душе ответственных заводских болельщиков давно заиграла подколдованная мечта — прорваться в класс «Б». Все-таки УралЗИС — младший собрат ЗИЛа. А коли так, — подавай и нам команду не хуже московской!

Ради этого выбрасываются на ветер заводские деньги. Деньги эти вскармливают тунеядцев, уверенных, что не труд, а футбол создал человека. Оплаченное безделье превратило совсем еще молодых парней в привилегированную чванливую касту.

Правый защитник Дороган удостоил как-то своим присутствием рабочий клуб и изволил пригласить девушку на танец. Получив отказ, защитник перешел в нападение и наградил строппитивую пощечиной. Его горяча осудили на пять суток. И получился конфуз. Оказалось, бухнули в колокола, не заглянув в календарь. Ведь через день игра! Пришлось меценатам срочно брать Дорогану на поруки.

Но он продолжал реветь. В одну прекрасную ночь из комнаты доблестного защитника послышался крик, с каким человек падает в колодезь. Взломали дверь. На пороге ревели по-пляжному снаряженная девица. На ее лице виднелись следы конкретной живописи: здесь основательно потрудились кисть Дорогана.

Собрали комиссию из авторитетных товарищей: представителей парткома, завкома, дирекции. Правда, затесались туда и товарищи малосознательные. Футбольный сезон на носу, а они: «Долой нахлебников!» Да еще подсчитали, что заводу каждый гол обходится чуть ли не в пять тысяч, и предложили перековать мячи на брала.

Осадила комиссия горячих реформаторов. Тренер команды В. Козловский пояснил, что мастерство требует условий. Доводчиво объяснил тренер. Уж он-то знал, что такое мастерство: сам числится старшим мастером моторного цеха!

Постановила комиссия: снизить себестоимость гола на 8,3 процента, а Дорогану снова взять на поруки, предупредив только, чтобы он не очень давал волю рукам, а больше работал ногами.

Миасский футбольный рай — явление не единичное. В прошлом году уполномоченный Комитета советского контроля по Свердловской области отыскал райский заповедник и на Богословском алюминиевом заводе. Ревизоры обнаружили здесь такой документик:

«Справка

...дана в том, что по желанию трудящихся цеха капитального ремонта тт. В. Май

и В. Кочегаров на время тренировок и игр освобождаются от работы.

Нач. цеха Малащенко
Секретарь парторганизации Ястребов».

Не менее любопытной оказалась объяснительная записка мастера — механика этого же предприятия В. Енжирова:

«Мне было передано, что дежурный слесарь Тер-Мануэлянец — футболист и работать не будет. Рабочие часы я ему проставлял, хотя он и не работал...»

Законным желанием трудящихся видеть на поле свою собственную футбольную команду пренебрегать, конечно, не стоит. Однако как желания, так и трудящиеся бывают разные. Директор завода тов. Рюмин тоже трудящийся. Пожелал он платить вратарю Швареву, помимо оклада в 1 200 рублей, по сотне за каждый пойманный мяч — и заплатил. Под видом «материальной помощи». Так сказать, за амортизацию вратарских перчаток.

Лопнула у игрока Кувалдина резинка на трусах в разгар футбольной баталии? Лопнула. Выдать герою 1 600 рублей на новую.

Забил Кочегаров два гола? Забил. Обеспечить любимцу трудящихся ту же сумму. Замашки щедрого мецената тов. Рюмина обошлись заводу за сезон в 30 тысяч. А всего ухлопали на команду, сражавшуюся за первенство области, 130 тысяч!

Старания руководящих болельщиков стали известны Свердловскому совнархозу. Последовало грозное распоряжение:

«Предупредить всех директоров предприятий и организаций совнархоза, что за незаконное расходование государственных средств на спортивные соревнования и учебно-тренировочные сборы они будут привлекаться к строгой административной и материальной ответственности».

Подписано распоряжение 23 марта этого года. А месяцем позже директор одного из предприятий той же Свердловской области подписал собственное распоряжение: «Перевести для работ по ремонту стадиона с сохранением зарплаты с 23 апреля по 1 сентября 1960 года...» — и далее — список футбольной команды.

Конечно, даже питомцы любого детского сада не поверят, что для ремонта стадиона требуются машинисты мостовых кранов. Да и сам директор не скрывает, что «ремонт стадиона» — просто предлог для освобождения членов команды от работы на производстве.

За более чем сомнительные футбольные комбинации директору Богословского завода поставили «на вид». Борются с футбольной лихорадкой подобными средствами все равно что лечить плоскостопие пургеном или косоглазие — каплями датского короля.

А ведь существуют, наверное, и более действенные рецепты. Например:

Горячий компресс — «Начет». Прикладывать с помощью совконтроля к окладам высокопоставленных болельщиков. Действует возбуждающе и в то же время успокаивает.

Хирургическая операция без анестезии. «Освобожденные» команды освобождать и от участия в первенстве области.

Есть, конечно, и другие рецепты. Но это уж на усмотрение, так сказать, лечащих врачей.

Мы не против футбольных страстей. Волейте себе на здоровье, но только так, чтобы не было осложнений для государственного кармана.

Ю. АЛЕКСЕЕВ,

специальный корреспондент Крокодила
Миасс — Свердловск.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Пальма первенства.

Ручки же ТЮКОЕ...

КОНКУРС НА САМЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

Долг превыше всего

ПРИШЛОСЬ мне однажды наблюдать такую сценку.

Проходная завода. Возле невысокого турникета из гнутых металлических труб, который почти обычно вращается, подталкиваемый потоком людей, необычно пусто. Одна лишь тетка Пелагея — низенькая шаровидная вахтерша — стоит перед турникетом, загораживая путь высоченному парню в сбитой на затылок серой кепочке. Парень умоляюще складывает на груди руки:

— Тетка Пелагея, я на минуточку! Мне в столовую, Валю повидать!

— Никакая я вам не тетка Пелагея. Ишь ты... Как без пропуска — так тетка Пелагея!

— Тетушка, вы же меня знаете! И Валю, жену мою, знаете.

— Ну и что ж из того, если знаю? Без пропуска не имею права. Вчера нас начальник собирал: много всяких без пропусков ходит. Прекратить, дескать, это дело пора. Я за свое место отвечаю. Так что ни-ни. И не проси.

— Тетушка, мне всего на минуточку! Ключ от дома у Вали. Я только сегодня из отпуска, еще не видел ее...

— Эка беда! Подождешь. Месяц, поди, без жены прогулял, и ничего. Потерпишь. Пойдет кто-нибудь в столовую и вызовет.

— Да кто сейчас пойдет в столовую! Наступает томительная пауза.

— Чемодан пришлось дома у двери оставить, — снова начинает парень. — Я ж на минуточку...

— Кто же так делает? — назидательно вопрошает вахтерша. — Чемодан у двери! Утащить могут.

— Утянут! — подхватывает парень, обрадованный сочувственной ноткой. — Запросто! Так вы уж пропустите, тетушка!

— Не пропущу! Сказала тебе. По мне хоть по воздуху через забор перелетай, хоть через другую проходную ступай, а здесь не пройдешь. Понять должен: я на это дело поставлена, зарплату за это получаю.

— Тетя Пелагея, вы же человек!

Этот аргумент производит на вахтершу некоторое действие. Она на минуту задумывается, но потом отрицательно мотает головой:

— Не проси. Обязана я или не обязана долг свой исполнять? Не пущу!

— Тетя Пелагея! Вы ведь женщина! — с усталой безнадежностью в голосе взывает парень.

— О-о, пристал! — размягченная неотразимостью последнего довода, вздыхает тетка Пелагея. — Ну, вот что. Хоть умру, а обязанность свою как следует сполню. И не мечтай ты здесь пройти. А помочь тебе, вижу, надо...

Ступай вон за угол того сарая. Там, у самой его стенки, две доски в заборе раздвигаются. Пролезешь. — И уже вслед парню добавляет: — А в другой раз, если пропуска на руках не будет, лучше ко мне и не подходи!

А. НИКОНЕНКО

г. Таллин.

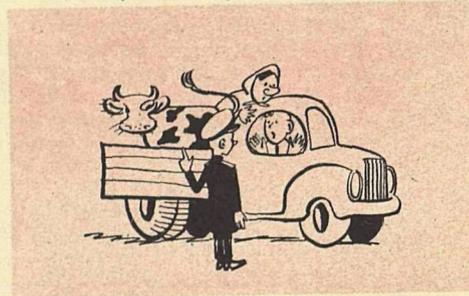
Рассеянный шофер

ПО ГОРОДУ Керчи едет грузовик. В кузове пассажиры, но не совсем обычные: одна старушка и одна корова. Естественно, что автоинспектор останавливает машину.

— Куда едем? — спрашивает представитель ОРУДа.

— В парк едем, товарищ начальник...

— А что у вас в кузове?

— Кузов должен быть пустым, — неуверенно отвечает шофер и, взглянув на корову, неумело изображает удивление: — Ой-ой! Как же она туда попала?!

— Вот именно: как?

— Я прямо теряюсь... Если бы хоть коза: козы, они шустрые. А тут корова! Правда, я малость притормозил на повороте... Возможно, она воспользовалась — и прыг ко мне в кузов...

— Что воспользовалась — это верно. Но чем воспользовалась? Вашей моральной неустойчивостью. Сколько вы сорвали?

— Я? Да ни копейки! Поверьте, товарищ начальник! Вы хоть ее спросите!

— Кого?

— Старушку...

— А мы и спросим. Поехали в отделение!

— За что же, товарищ начальник? Это ее надо штрафовать, что она мне подложила эту скотину...

Но инспектор непреклонен, и грузовик медленно трогается в отделение под общий смех собравшихся прохожих...

Анатолий ЛИТВИНОВ

Неподходящий объект

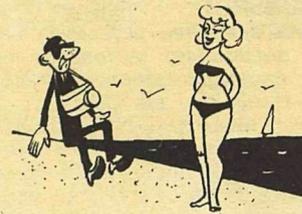
СЛУЧАЙ этот произошел на одном из крымских пляжей в то время суток, которое на языке бывалых курортников называется часами «пик».

В перерыве между двумя заплывами я и мои друзья заняли «место под солнцем» и собирались обсудить наиболее животрепещущие вопросы санаторной жизни. Вдруг кто-то заметил, что прямо на нас, лавируя между распластанными телами, движется небольшая группа мужчин с фотоаппаратами на шее. Это не были обычные пляжные фотографы, которые поточным методом изготавливают карточки с надписью «Привет из Крыма!». Весь вид их говорил, что они люди солидные и находятся при исполнении служебных обязанностей.

Так и есть: к нам! Подошли, извинились, представились как иностранные корреспонденты. Пролетав что-то насчет очаровательных русских женщин, они попросили меня пофотографировать перед их фотоаппаратами.

Что ж, я не возражала. Сначала меня сфо-

тографировали идущей вдоль берега, потом — сидящей на горячей от солнца гальке, потом — плывущей в прозрачной черноморской воде. Корреспонденты прицеливались то так, то этак, просили сделать ручкой, наклонить голову, улыбнуться. Из вежливости я вы-

полняла все их просьбы, а они после каждого снимка радостно восклицали: «Отшень карашо!»

Наконец съемка была окончена. Теперь, сказали они, для будущего фотоочерка необходимо, чтобы я немного рассказала о себе. Я и от этого не отказалась. Ведь биография у меня очень простая: училась в школе, во время войны добровольно ушла на фронт, когда война кончилась, поступила в юридический институт и вот теперь работаю следователем.

Пока я это рассказывала, лица журналистов как-то странно вытягивались. Они даже записывать перестали.

— Как так?! — воскликнул один из них. — Вы такая женственная — и вдруг солдат, а потом следователь?! Будьте добры, разрешите написать в журнале, что вы просто учительница!..

— Нет, — сказала я. — Пишите только правду.

— Но ведь тогда нам читатели не поверят! — простонал один из журналистов.

— Ничем не могу вам помочь, — заметила я.

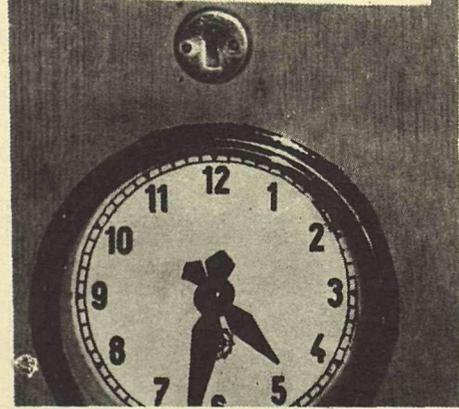
Удалялись корреспонденты в замешательстве.

М. ГОРДИКОВА

г. Азов.

НАДО ОТБИВАТЬСЯ!

СОТРУДНИКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
И УКСа со 2/3-1960 года
будут отбиваться на вто-
ром этаже.

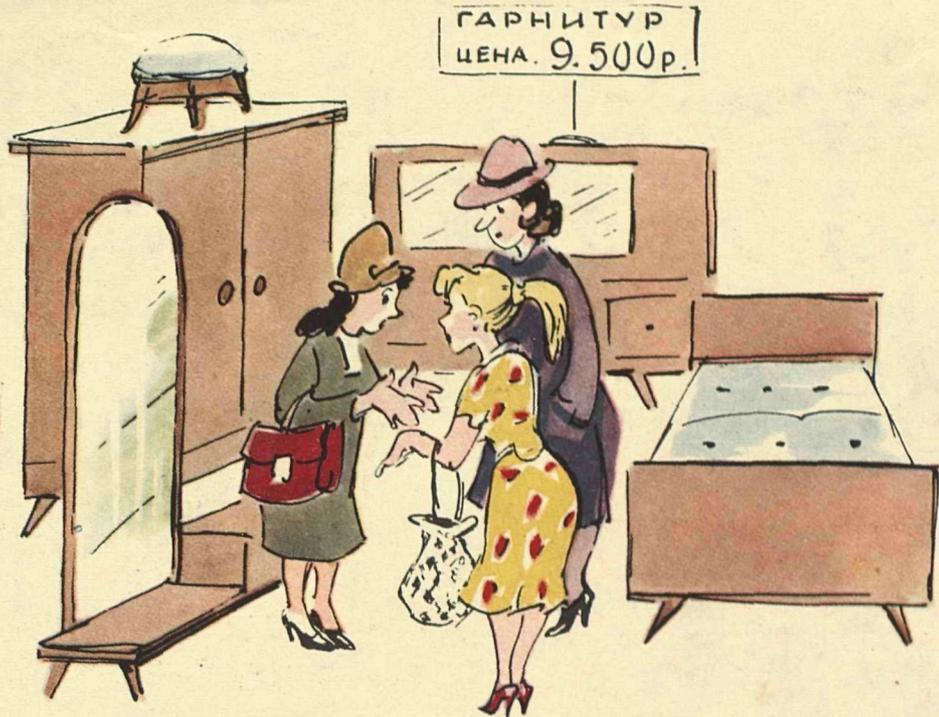
Наш фотокорреспондент запечатлел здесь внушительные контрольные часы, установленные в вестибюле административного корпуса Московского государственного университета на Ленинских горах. Они регистрируют на карточках время прихода и ухода сотрудников различных служб МГУ.

Некоторое время назад здесь было два таких механических контролера. Но вот одного из близнецов перевели на второй этаж, а над другим, осиротевшим, ныне красуется категорическое объявление (см. фото).

И, как ни странно, никто на первом этаже даже не пробует отбиваться от такой безграмотности в высочайшем храме высочайшей грамотности.

— Вы же хотели, чтобы на вывеске был показан инструмент, который чаще всего бывает в руках у врача...

— Сообразим на троих!..

Р. САРЦЕВИЧ

На боевом посту, выполняя редакционное задание Крокодила, скоропостижно скончался рабочий-поэт Ричард Вячеславович Сарцевич.

Почти тридцать лет проработал фрезеровщик Р. В. Сарцевич на Московском автозаводе имени Лихачева. Воспитанник заводского литературного объединения, он активно сотрудничал в многотиражной газете «Московский автозаводец» и в журнале Крокодил. В «Библиотеке Крокодила» вышел сборник его сатирических стихов.

Став членом Союза писателей СССР, поэт-сатирик не порвал связи с родным коллективом автозаводцев.

Стихи, публикуемые в этом номере, были написаны Ричардом Сарцевичем за несколько дней до смерти.

БРЮЗГА

В доме отдыха «Ромашка»
Отдыхал Аким.
Доложу вам: ох, как тяжело
Отдыхать с таким!

Брови хмурые нависли,
Злобу затая.
Этот тип нам в полном смысле
Не давал житья.

У него на все досада.
Кофе станет пить:
— Да за это кофе надо
Выговор влепить!

Мы обедать, мы ни слова,
А Аким опять:
— Всех сотрудников столовой
Надо разогнать!

Стал нам отдых хуже ада.
Ужин принесут:
— Да за этот ужин надо
Отдавать под суд!

Мы теряем понемножку
К пище интерес.
Мы встаем, берем гармошку
И уходим в лес.

Аромат, березы, сосны,
Смех кругом звучит...
Только этот тип несносный
Ходит и ворчит.

Срок истек. Настало время
Взвешиваться нам.
Мною лично был потерян
Только килограмм.

А Аким, войдя в палатку,
Покрутил усы,
Встал ногами на площадку
И... сломал весы.

А потом в укромном месте
Карандаш кусал
И до самого отъезда
Жалобу писал!

ПРОИСШЕСТВИЯ

ГОЛОВА
ВО ХМЕЛЮ

ПО ВСЕМ деревням и селам Раздорского района (Ростовская область) красовались лозунги, плакаты и световые рекламы, настойчиво призывавшие: «Если хотите продлить свою жизнь, пейте водку». «Бутылка водки — лучший подарок ко дню рождения». «После каждой выпивки опохмеляйтесь».

По колхозам разъезжали законченные алкоголики и делились своим горьким опытом с населением. А на здании райпотребсоюза аршинными буквами значилось: «ДОСРОЧНО ВЫПЬЕМ ГОДОВУЮ НОРМУ!»

Так приблизительно должен был бы выглядеть этот район, чтобы райпотребсоюз сумел реализовать в этом году запланированное количество водки.

Председатель райпотребсоюза тов. Иваненко был крайне удивлен, когда областное начальство обязало его продать в этом году 140 тысяч литров горячительного напитка.

— Не осилим мы столько! — взмолился Иваненко. — Прошлый год план с грехом пополам осилили, а вы еще двадцать тысяч литров добавили!

Но убедить работников облпотребсоюза оказалось так же невозможно, как выпить залпом ведро водки. Поэтому, несмотря на все усилия пьющих, в первом квартале райпотребсоюз не выбрал с Новочеркасского ликеро-водочного завода 15 790 литров водки.

— Так дело не пойдет! — возмутились руководители завода и в официальном порядке потребовали уплатить штраф в размере 7 105 рублей 50 копеек.

Работники райпотребсоюза оказались между двух огней. Что делать? Если взять в район лишь

— Папа, ты опять забыл дома очки!

столько водки, сколько ее можно продать, раскошеливайся на штрафы. Если же взять запланированное количество, придется заморозить оборотные средства...

В общем, горькое дело!
В. ЕЛОХИН

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 05684. Изд. № 969. Подписано к печати 9/VI 1960 г. Формат бум. 70x108 1/8. Заказ № 1672. Тираж 1 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

Полевой приют «Все для уполномоченного». Командированные на село лица чувствуют себя здесь вполне вольготно, да и колхозники не в обиде: никто их от работы не отрывает.

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.